

Любовь и брак в жизни дворян-мужчин второй половины XIX – начала XX в. (по материалам личного происхождения)

М. С. Трегубова

В статье представлены изменения, произошедшие в любви и браке дворян-мужчин во второй половине XIX – начале XX в. В мужских воспоминаниях многие аспекты частной жизни либо сознательно не упоминались, либо лишь обозначались. На особенность повествования дворян-мемуаристов о любви и семье оказывали влияние как личность и характер автора, так и его служебная деятельность. Во второй половине XIX в. у дворян-мужчин происходили изменения в оценки важности чувств и отношений в браке. В эго-документах мужчины-дворяне, как и их современницы, нередко эмоционально описывали сюжеты, связанные с влюбленностью, сватовством и женитьбой. Вместе с тем, отсутствие упоминания о семейном положении мужчин в других источниках личного происхождения, может указывать на то, что с одной стороны, личная жизнь для мужчин продолжала табуироваться, а с другой, не казалась авторам достойной упоминания. Несмотря на то какое место любовь и брак нашли в эго-документов дворян-мужчин, эти сферы являлись важной частью их жизни, привнося новые тревоги и обязанности.

Ключевые слова: дворяне-мужчины, дворянский брак, любовь, XIX в., повседневность, мемуары.

Для цитирования: Трегубова М.С. Любовь и брак в жизни дворян-мужчин второй половины XIX – начала XX в. (по материалам личного происхождения) // История повседневности. 2022. № 3. С. 63–81. DOI 10.35231/25422375_2022_3_63

В жизни человека есть важнейшие ключевые события: отправным из которых является рождение, повзрослев, человек вступает в брак, заводит семью и живет в ней, а венчает земную жизнь человека его смерть [1, с. 30].

Понятие «любовь» волнует умы людей с незапамятных времен. Культурно-историческая трансформация любви происходила на протяжении многих столетий и была тесным образом связана с представлениями людей разных эпох об обсуждаемом феномене [2, с. 42]. Особенной закрытостью отмечены темы, связанные с любовью, ухаживанием за невестой и женитьбой в мужских воспоминаниях. Тем не менее, в постоянно пополняющемся комплексе опубликованных мемуаров появляются сюжеты, связанные с частной жизнью. Однако эти сюжеты крайне редко становились предметом специального исследования [3, с. 94].

Тема влюбленности, брачных и семейных отношений вызывает интерес как у историков, так и у социологов и психологов. В многочисленных трудах историка, антрополога, основоположника исторической феминологии и гендерной истории Н.Л. Пушкаревой изучены особенности антропологии мужской и женской повседневности, традиционные брачные установки, изменение положения женщины в браке с древнего периода и вплоть до современности, семейный женский быт [4; 5]. Теме эволюции дворянской семьи, брачным практикам, имущественным отношениям супругов и влиянию государственной политики в отношении различных видов брака посвящены работы крупного специалиста В.А. Верременко [6]. В трудах А.В. Беловой анализируются этапы женской повседневности, особенности девичества русских дворянок, раскрыта тема замужества и свадебной обрядности, семейные отношения супругов в браке [7].

В качестве источников по данной теме выступают воспоминания, дневниковые записи и переписка мужских представителей дворянского сословия второй половины XIX – начала XX в.

Цель статьи – показать изменения в представлениях о любви и браке у дворян-мужчин второй половины XIX – начала XX в.

Чувства и эмоции дворян-мужчин в отношении любви и брака не всегда полны деталями, как это обычно бывает у женщин. Уровень мужской эмоциональности во многом зависел от характера личности, воспитания и даже от служебной деятельности.

Девичество – жизненный этап между «детством» и «зрелостью», а фактически, замужеством. У женщин этот период относится к тем этапам жизненного цикла, которые широко представлены в научной литературе применительно к разным социальным общностям и эпохам [7, с. 250].

Жениховство – пребывание в положении жениха. Этот статус был очень важен, так как показывал серьезные намерения мужчины на дальнейший брачный союз. Общественный и государственный деятель Александр Николаевич Наумов (1868–1950), вспоминая, что официально он и его избранница приобрели статус жениха и невесты в 1897 г. на семейном торжестве: «За парадным обеденным столом утопающим в цветах, всем было разлито шампанское и Константин Капитонович официально объявляет нас с Анютой женихом и невестой» [8, с. 275]. Писатель и мемуарист князь Владимир Сергеевич Трубецкой (1892–1938), находясь на службе в Лейб-гвардии Кирасирского Её Величества полка только повествовал, как был вдали от своей невесты, не сообщал детали и особенности своих отношений: «Одновременно чувство мое к невесте все возрастало, переходя прямо в какой-то культ, и каждая более или менее продолжительная разлука с ней переживалась мной бесконечно тягостно» [9, с. 14].

Дворяне имели определённый круг общения и дружественные связи. Поэтому знакомство мужчины с будущей избранницей в большинстве случаев происходило в семьях знакомых, друзей семьи или на совместных мероприятиях. Детали и эмоциональная окраска, говорят о важности данного момента для мужчины. Знакомство известного художника и историка искусства Александра Николаевича Бенуа (1870–1960) с Анной Карловной Кинд (1869–1952), произошло на семейном торжестве: «С той, кому суждено было стать моей подругой жизни, я впервые встретился в 1876 году на бракосочетании моего старшего брата Альбера. Наш роман с Атей Кинд, начавшийся тогда, когда нам было по шестнадцати лет, про-

тянулся на всю жизнь» [10, с. 66]. Встреча А.Н. Наумова с будущей супругой Анной Константиновной Ушковой (1878–1962), произошло в доме общих знакомых семьи Ушковых: «Невольное мое особое внимание привлекла старшая из них – Анна, с годами приобретающее то внешнее очарование. Ни раз я ловил себя на том чувстве особого восхищения и бесконечного преклонения» [8, с. 264].

Художник и художественный критик Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1957), свою будущую супругу повстречал в доме своего родного дяди, куда приглашалась Елизавета Осиповна (урожд. Волькенштейн): «У дяди Феди я стал встречать барышню, родственницу одного из его судейских приятелей, одетую со вкусом, молчаливую и застенчивую, с необыкновенно милой улыбкой. Скоро я стал ходить к дяде ради нее. Я чувствовал, что она особенная, не такая, как другие» [11, с. 231]. Генерал от артиллерии, член Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления Петр Александрович Башилов (1819–1908), также имел знакомство с будущей избранницей в доме своего товарища по службе: «Приехавши из Твери в Царское село в 1852 году, я застал в семействе у Максимова только что выпущенную из института молоденькую Любовь Ивановну, очень милую и симпатичную девушку, которая мне очень понравилась, и хотя я знал, что родные никакого существенного приданного и денег за не дать не могут, да и у самого ничего нет, но все таки стал призадумываться и решать уже жениться на Любе, так она мне очень приглянулась» [12, л. 237].

Но большая часть мужских воспоминаний часто лишена подробностей о сватовстве, помолвке, а иногда и даже о самом заключении брака. Во многих текстах дворян-мужчин подчеркивалось, что их мемуары не предназначены для описания личной жизни. Мужчины концертировали свое внимание на других аспектах жизни и деятельности.

В первой половине XIX в. сватовство происходило обычно в беседе с родителями. После полученного от родителей предварительного одобрения в залу приглашалась невеста, у которой спрашивали согласна ли она выйти замуж. Заранее объясняться с девушкой считалось нарушением приличий. Частый приезд молодого человека в дом потенциальной невесты на-

кладывал на него обязательства и «отпугивал» других женихов. В момент сговора молодых благословляли иконами. В основном мнение дочерей по поводу их дальнейшей судьбы не принимали во внимание. Однако, были семьи где девушкам дозволяли самим решать за кого выходить замуж [13, с. 76].

Однако, во второй половине XIX в. у дворян-мужчин происходят изменения сознания и поведения, как в отношении своих чувств, так и в самом браке. Помимо своих собственных эмоций и предпочтений, мужчины стали учитывать и чувства женщин. Постепенно нормой становилась ситуация, когда мужчина первоначально просил согласия у своей избранницы, а уже после этого обращался к родителям. Так, граф Николай Николаевич Зубов (1832–1898), сделал предложение своей будущей супруге – графине Алине Васильевне Олсуфьевой (1838–1913) в 1861 г., а уже после написал отцу об их совместном решении сочетаться браком: «Любимый папа! Хотя я тебе еще не писал об семействе А., это потому что я еще не просил Алину у ее матери, но между нами уже все было решено. Нам удалось побеседовать, и мы увидели, что, имеем характер довольно одинаковый, мыслями сходимся, так что мы решили связать наши духовные узы женитьбой. Обнимаю тебя от души и просим твоего благословения» [14, л. 2]. Будущая супруга также высказала свои эмоции о предстоящей свадьбе и писала отцу жениха: «Любезный граф! Я вам пишу, потому что хочу, чтобы Вы слышали от меня, что я счастлива и довольна, что вхожу в семью давно мною любимую. Вы знаете, Вашего сына и поэтому поймете, что я не увлекаюсь, когда думаю, что он вполне достоин моей любви и оправдает мое доверие» [14, л. 5]. Отец жениха Н.Д. Зубов поддержал решение молодых узаконить свои отношения в письме к будущей невестке: «Любезная Алина! Письмо Ваше искренне меня обрадовало. Сознывая моего сына достойным любви, Вы дали мне право уверить Вас, что Николай оправдает вполне Ваше доверие. Чем больше Вы сближаетесь с ним, тем Вы чувствуете его, а в этом и заключается семейное счастье. С радостью приветствую милую невестку» [14, л. 6].

А.Н. Наумов с волнением вспоминал как сделал предложение и получил положительный ответ, и только после этого советовался с отцом: «Мы с Анной Константиновной остались

одни, и тут свершилось то важное и решительное, что для всей моей последующей жизни оказалось величайшим благом. Мы сели рядом, взяли друг друга за руки, и сказали взаимное, искренне и любовное слово – Да! Навеки! В чистых, правдивых глазах Анны, отныне моей дорогой, любимой подруги жизни, я увидел отблеск ее искреннего и беззаветного чувства ко мне и спокойно уверенности в предстоящем нашем взаимном счастье» [8, с. 266].

Не хватало смелости сделать предложение в живую П.А. Башилову, поэтому он изложил все в письме: «Пишу к вам потому, что недостает духу высказать всего что лежит у меня сердце, выразить всю мою любовь, всю привязанность мою к вам. Я давно люблю Вас! Давно ваш образ не покидает меня нигде, не в силах больше бороться с чувствами, я решился открыть мое сердце. Если вы чувствуете хоть малейшее расположение. Если только я достоин любви вашей, то не откажитесь составить мое счастье, оно зависит от вас. Соедините мою судьбу с вашей. Создатель благословил нас и по благости своей пошлет счастье, счастье, которое я всеми силами и своей любовью постараюсь доставить вам. Вы теперь единственное звено, которое притягивает меня к жизни. Осуществите эту мечту, эту надежду, покажите мне счастье и прямо, искренно, чистосердечно скажите: Да! И отдайте вашу руку, очастливите меня» [12, л. 238].

Будучи в статусе жениха, мужчины ухаживали за своими избранницами, это были встречи, прогулки, посещение культурных мероприятий. Роман А.Н. Бенуа начался, когда он и его будущая жена были еще подростками, и ухаживания носили характер коротких встреч и прогулок: «Эта моя влюбленность была иного рода и несравненно более серьезна, я в своем обожании Ати поставил ее на недосыгаемый пьедестал. Она стала для меня святыней! В первые месяцы нашего романа мы оба еще были школьниками, но школы наши находились на разных концах города. Тем не менее и несмотря на дистанцию в несколько верст, мне удавалось к моменту, когда кончались Атины занятия, я подходил к ней и дальнейший путь мы уж проделывали вместе» [10, с. 63]. А вот политический деятель, историк и публицист Павел Николаевич Милуков (1859–1943), в период своего романа был уже достаточно

взрослым человеком и пытался соблюдать правила приличия: «Там мы назначали друг другу свидания, и в ряде встреч рассказали друг другу все свое прошлое, без утайки. Мне было дозволено вместо сквера продолжать наши беседы за чашкой чая на ее квартире. И тут было решено, что нам следует жениться. Однако это решение мы согласились оставить между нами, в глубокой тайне, чтобы дать друг другу возможность проверить свое чувство без постороннего вмешательства. Мы выдержали это испытание вплоть до последнего дня перед свадьбой» [15, с. 106].

А.Н. Наумов вспоминал о прогулках и совместных вечерах: «Вспоминаются наши вечерние свидания на Рождественском балконе при таинственном свете восходящего полумесяца, катания вдоль берега Волги, гулянья по Жигулевским полянам» [8, с. 265]. М.В. Добужинский со своей невестой посещали выставки и концерты: «На эти выставки как уже вошло в обычай, я еще с осени ходил вместе с Лизой. Тогда же мы стали посещать утренние репетиции симфонического оркестра Консерватории. Бывал и у нее – я иногда засиживался, часто слушая ее игру на рояле» [11, с. 135].

Авторитет родителей и влияние родственного круга, формировал определенные предпочтения и устои [7, с. 310]. Уже приняв решение, мужчины все же считали необходимым посоветоваться с родителями и получить одобрение на предстоящий брак. В этом решении кроется прочная связь и эмоциональная привязанность дворян-мужчин с отцами и матерями.

А.Н. Наумов после сделанного предложения своей невесте, пожелал получить одобрение отца: «Отцу я высказал все, и он пожелал познакомиться с Ушковыми, главным образом с Анной. В результате отец со слезами на глазах мен благословил, сказал, что, лучшей я не найду. Он был в курсе наших с ней отношений и дал мне разрешение, сказал, что Анна меня любит и пожелал нам счастья» [8, с. 265].

Поэт, прозаик, критик и литературовед Серебряного века Борис Александрович Садовской (1881–1952), получив согласие со стороны матери будущей супруги, немедленно выехал к своим родителям для дозволения на союз: «Из Москвы я ездил дня на два в Нижний к родителям просить благословения.

И уже 26 октября в Москве состоялась свадьба в присутствии ближайших родных, в церкви Воскресения на Остоженке» [16, с. 120]. Родители историка и филолога Владимира Алексеевича Мошина (1894–1987), в 90-е гг. XIX в. несмотря на взаимные чувства не сразу получили разрешение на брак: «Отец пришел к бабушке, Ольге Петровне просить руки ее дочери, он был достаточно осторожен и упомянул, что девушка дала свое согласие, но бабушка показала ему на дверь и запретила переступать порог их дома, в то время было не прилично просить согласие девушки без одобрения и знания родителей. Дедушка обожал мою мать, но считал ее согласие с молодым человеком недопустимым» [17, л. 7]. Только после решительных действий девушки, которое вынудило отца согласиться с ее выбором, брак смог состояться. Мать девушки была против, так как не считала отца автора хорошим кандидатом в мужья.

Были у мужчин и преграды в разрешении на брак. Иногда родители желали, чтобы сыновья сделали успешную карьеру, а иногда, и чтобы избежали печального брачного опыта. Так, мать В.С. Трубецкого Прасковья Владимировна (1860–1914), настаивала, чтобы сын получил хотя бы низший военный чин, а уже после этого думал о браке: «Жениться же я мог только, сделавшись офицером – на этом настаивала мать. Она часто говаривала мне, чтобы я сделался сначала человеком, встал на ноги, а потом уже женись. Сделаться человеком – означало достичь известного положения в обществе, приобрести в свете известный удельный вес, и в этом отношении военная дорога была наиболее легкой, приятной и скоровыполнимой» [9, с. 16].

Для М.В. Добужинского намерение жениться встретило сопротивление обоих родителей, они считали, что вступить в брак в 24 года слишком рано: «К отцу я поехал со стесненным сердцем. Зная его взгляды на раннюю женитьбу, я предвидел, что будут тяжелые объяснения, даже не хочется вызывать в памяти подробности. В самом подавленном настроении я поехал к матери, где было так же тяжело, она говорила то же самое, что и отец» [11, с. 145]. Скорее всего такая позиция родителей связана была с их собственным разводом, последовавший вскоре после рождения автора, и родители просто пытались уберечь сына от своего неудачного опыта.

Важнейшим событием в жизни любого человека является брак. Две основные и тесно связанные друг с другом цели его – продолжение рода и передача по наследству того дела, которое практиковалось в данном семействе из поколения в поколение [1, с. 33].

«Браком» в русской юридической литературе именуется договор (соглашение, союз) мужчины и женщины, заключаемый в определенной форме и влекущий за собой определенные юридические последствия. В российской социологии брак понимается как социальный институт, основанный на совокупности социальных норм, санкционирующих отношения полов, а также взаимных обязанностей и прав [4, с. 67].

В первой половине XIX столетия в сознании мужчины женитьба – это переход на новый социальный уровень, принятие ответственности за новую семью, обязанность обеспечивать ее. И молодые люди не спешили связывать себя узами брака. Возраст, когда дворяне обычно женились, был около 30 лет – к этому времени мужчина уже достигал некоторых высот по службе, имел жизненный опыт и подходил к женитьбе осознанно [13, с. 77].

Мужчин порой не останавливали и такие преграды как разное социальное положение. До отмены крепостного права случаи совместного проживания между дворянином и крестьянкой были вполне рядовым явлением, правда они редко приводили к браку. Примером служит случай из жизни живописца и графика Льва Михайловича Жемчужникова (1828–1912), который будучи потомственным дворянином, не имея возможности жениться на крепостной девушке, выкрал ее и отправился за границу: «Я бесповоротно решил вырвать бедную Ольгу из омута. Я свободно пробрался до флигеля, близ которого встретил девушку Марью, вполне надежную и хорошую приятельницу Ольги. Переговорив с ней, я попросил ее вызвать Ольгу; она убежала, и скоро Ольга явилась с маленьким узелком; и мы, простясь дружески с Марьей, тотчас отправились к большой дороге» [18, с. 229]. Прожив несколько лет за границей, узнав, что в России отменили крепостничество, автор смог вернуться вместе с семьей.

Писатель Казимир Станиславович Баранцевич (1851–1927), вопреки своему дворянскому происхождению желал женить-

ся на крестьянке, но встретил выправление со стороны матери: «Около этого времени я сошелся с крестьянской девушкой (моя настоящая жена Дарья Николаевна Алексеева) и полюбил ее, но видаться нам приходилось редко, тем более что мать и слышать не хотела о моем намерении жениться. Это было самое проклятое для меня время» [19, с. 115]. И только после смерти матери в 1873 г. и социальных изменений в стране, автор смог узаконить свои отношения.

Основой дворянского брака во второй половине XIX в. всё чаще становились чувства, хотя мнение родителей при этом по-прежнему имело важное значение. Причем, если в середине столетия ключевым фактором были чувства мужчины, то в пореформенный период складывался идеал брака по взаимной любви [20, с. 8].

Дворянская семья в процессе своей эволюции во второй половине XIX – начале XX вв. прошла несколько этапов. До начала 1860-х гг. преобладающей формой был брак дворян «по сговору» [6, с. 7]. Но стоит заметить, отдельные случаи подобных супружеств существовали вплоть до конца века. Известный военачальник, военный педагог, генерал от кавалерии, генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов (1853–1926), женился по велению своего дяди. Дядя с ранних лет заменил автору отца, и Алексей Алексеевич не противился данному решению: «В 1884 году я женился на племяннице моего дяди Анне Николаевне фон Гагемейстер. Этот брак устроен согласно желанию моего дяди, в виду семейных интересов. Но несмотря на это, я был очень счастлив, любил свою жену горячо» [21, с. 20]. У капитана и командующего 4-й батареей лейб-гвардии конноартиллерийской бригады Михаила Алексеевича Бера (1875–1953), браку посодествовали дядя и мать, по признанию самого автора, длительное общение со знакомой их семьи неожиданно для него самого привело к решению о женитьбе и в 1898 г. автор сочетался законным браком: «У меня совершенно не было впечатления, что мои отношения с Надей скоро закончатся браком. Я был далек от мысли о женитьбе, но отношения с Надей как-то само собой привели к этому» [22, с. 220].

А действительный статский советник Владимир Борисович Лопухин (1871–1941), вспоминал, как именно его тетка

С.А. Трубецкая устроила браки всем своим трем сыновьям, без их собственного согласия в 80-е гг. XIX в.: «Влияние ее (моей тетки) на сыновей было громадное. Выразилось оно и в том, что ни один из них не женился по собственному почину и выбору. Всех поженила мать на тщательно ею подобранных невестах. Невесты все были родовитые и богатые. И что представляется совсем неожиданным, все три брака оказались удачными. Сергей женился на княжне Оболенской, Евгений – на княжне Щербатовой, Григорий – на графине Хрептович-Бутеневой» [23, с. 33].

Но все чаще во второй половине XIX столетия, дворяне-мужчины руководствовались чувствами, а уже после думали о способах содержания будущей семьи и даже о своих собственных мечтах. Военный деятель и писатель-публицист Григорий Дмитриевич Щербачёв (1823–1900), ради будущей супруги перешел на службу в другой город: «Я желал остаться в Петербурге, потому что, полюбив в Москве одну молодую девушку, я должен был в скором времени жениться» [24, с. 2]. В.С. Трубецкой ради невесты отказался от мечты сделать карьеру на флоте, понимая, что большую часть времени он будет в служебных походах: «Нет надо было решаться на что-нибудь одно и положить на чаши весов любимую девушку и любимое море. Компромиссного решения здесь не могло быть. Однако сама мысль о каких-то весах в этом вопросе казалась мне чем-то подлым. Колебаться нельзя было: чувство наше слишком далеко зашло – мы были с невестой слишком дружны – и я отказался от моря» [9, с. 15].

С середины 60-х – 70-е гг. XIX в. возросла возможность заключения брака по свободному выбору, но увеличилось число разводов супругов, преимущественно под воздействием «новых веяний» и материальных проблем [6, с. 7]. В большинстве своем, наиболее тяжелые моменты, связанные с разводом и разводами супругов, мужчины не раскрывали в воспоминаниях и письмах. В представленных биографиях лишь два автора упоминали о таких сюжетах. В семье М.В. Добужинского родители разошлись вскоре после его рождения, мать выбрала театральную карьеру и оставила семью: «Я жил без моей мамы – у нее была своя жизнь далеко от нас, но отец старался, чтобы я не забывал мою мать, отсутствие же ее в моей жиз-

ни объяснял мне тем, что из-за своего здоровья она не могла жить в «гнилом» петербургском климате, что было правдой, и я знал, что она должна была служить в театре, в провинции, далеко от нас, и я никаких вопросов не задавал» [11, с. 306]. Несмотря на это, каждый из родителей участвовал в воспитании ребенка, но преимущественно это делал отец. Б.А. Садовской несмотря на союз по любви, расстался с супругой по неизвестной причине: «В 1909 году в Москве родился у меня сын Александр. С женой я вскоре расстался и получил потом формальный развод. Она и мать ее воротились в Ялту, взявши с собою мальчика» [16, с. 123].

В 80–90-е гг. XIX в. в дворянской среде формируется идеал супружеского союза, основанного исключительно на свободном выборе и взаимной симпатии, изменяется характер дворянского брака и происходит переосмысление роли «любви» в семейных отношениях [6, с. 8]. Яркие эмоции от свадебного торжества, которыми насыщены эго-материалы, демонстрируют, что для и для мужчин, как и для женщин, данное событие являлось знаковым и счастливым. Так, А.Н. Бенуа пришлось ожидать брака 3 года: «И, наконец, долгожданный день наступил. В момент, когда мы с разных концов (она под руку со своим отцом) вступили в церковь, загредел традиционный "Свадебный марш" Мендельсона. А затем мы оба, преклонив колена за аналоями, были обвенчаны. Надлежало еще принять поздравления родственников и знакомых и расписаться в церковной книге» [10, с. 56].

Общественный деятель, земский статистик, князь Владимир Андреевич Оболенский (1869–1950), в своих воспоминаниях подчеркивал, что женитьба была важным этапом в его судьбе: «Весной 1896 года произошло крупное событие в моей личной жизни, я женился на Ольге Владимировне Винберг. Долгую жизнь мы прожили вместе, вместе взрастили огромную семью» [25, с. 149]. И для А.Н. Наумова свадьба была ярким моментом: «Наступил наконец памятный в моей жизни день. Таинство бракосочетания происходило в Адмиралтейском соборе. По окончании богослужения, все спустились вниз, где в особом боковом помещении было приготовлено шампанское. Нас стали приветствовать и поздравлять. Из церкви счастливые молодые вернулись в Европейскую гостиницу, где

был сервирован обеденный свадебный стол, красиво разукрашенный цветочными гирляндами и мелкими букетиками» [8, с. 280].

М.А. Бер не столь эмоционально описывал данное важное событие: «Свадьбу решили сделать скромно в интимном кругу. Свадьба была назначена на 23 января 1898 года в церкви Знамения Пресвятой Богородицы и Царском селе. С Гагаринской вместе с мамой и бабушкой мы поехали на Литейную к бабушке Марии Александровне Чирковой, моей крестной матери, которая вместе с дядей Дмитрием Борисовичем меня благословила. С утра я чувствовал себя не важно. Я смутно помню обряд венчания. После венчания я с Надей отправился к дяде Коли на Садовую, где тотчас лег в его спальне на кровать. Все поздравления собравшихся родственников принимала Надя одна. Помню только, что она приходила ко мне в белом подвенечном платье с бокалом шампанского в руке. Через несколько дней я совсем поправился и мы с женой переехали в Павловск» [22, л. 231].

На протяжении XIX столетия все более значимым для жизни дворянской семьи и женщины-дворянки становился вопрос «личного счастья» [7, с. 105]. Однако этот принцип был основополагающим и для большинства дворян-мужчин. Отношение мужчин к семейной жизни переменилось, в ней стали видеть душевное спасение от неудач в карьере, жизненную альтернативу, а дом – понимать, как «пространство сферы частного». Общественное мнение, сформированное литературными образцами, предписывало теперь представителю дворянского сословия уважать «нежнейшие чувствования» и саму личность женщины, уметь развлечь ее, быть готовым ради нее к самосовершенствованию. Социальный престиж женщин рос параллельно повышению самооценки собственного достоинства мужчин-дворян, оказывая воздействие на формирование новых черт в их представлениях об идеальной супруге [5, с. 341].

В личной переписке дворян-мужчин со своими женами, раскрываются их трепетные чувства, забота и нежность. Особый интерес представляют письма барона и статского советника Константина Карловича Врангеля (1937–1902), находясь по служебным и личным делам в отъездах, в письмах и телеграммах автор практически каждый день старался писать

супруге Наталье Врангель (Муравьевой): «Милая Наташа сегодня невозможно приехать, буду вовремя завтра вечером. Вы милый человек. Ваш Врангель» [26, л. 2]. Или в другом письме: «Милая Наташа судьба покорнейше против всяких моих планов. Прошу Вас не посылать экипаж, вчера вечером я получил депешу про гр. Богарне совершенно неожиданно придет сегодня. Завтра буду ожидать Вас у пристани. До свидания. Ваш Врангель» [26, л. 3].

Автор очень был внимателен к своей супруге, интересовался ее здоровьем, договаривался с ней о встречах и с особыми эмоциями к ней относился: «Здравствуй Кися моя любимая! Как ты спала без меня? Как чувствуешь себя? Могу себе представить до чего ты мучаешь себя, от того что не могла меня проводить, но будь умницей и возьми себя в руки. Воображаю, как ты тоскуешь, не уверен успею ли я приехать к тебе, но пока я только крепко, горячо целую и обнимаю тебя. Целую всех детей. Твой Врангель» [26, л. 7]. В другом письме барон ласково обращался к супруге и извинялся за свой скверный характер: «Кися моя любимая! С добрым утром! На душе у тебя тяжело, как и у меня. Вчера я был резкий, раздражительный, нервный – конечно прости меня! Ничего поделать с собой не могу. Нежно целую тебя моя голубка. Твой Константин» [26, л. 30]. Еще в одном письме Константин Карлович трепетно поздравляет супругу с днем рождения: «Милая! Крепко, крепко целую и обнимаю тебя и поздравляю еще раз с днем рождения! Кися моя будь счастлива! Да поможет судьба подействовать твоему счастью! Целую тебя бесконечно. Твой Врангель» [26, л. 29].

О крепких и взаимных чувствах повествует переписка между супругами бароном, офицером Российского императорского флота, генерал-майором флота, генеалогом, коллекционером Николаем Аполлоновичем Типольтом (1864–1948) и Елизаветой Сергеевной (урожд. Палтовой). Находясь в длительных отъездах, связанных со службой на флоте автор старался любую свободную минуту написать супруге: «Дорогая Елизавета Сергеевна я теряюсь в догадках, тревожусь что не имею от Вас так давно известий. Я ожидаю Ваши письма как манны небесной! С тех пор как я приехал на крейсер пошла отвратительная погода, холод и дожди. До свиданья моя дорогая, крепко целую Ваши ручки, молюсь и скучаю. Весь Ваш искренно любящий

и преданный Вам Н. Типольт» [27, л. 5]. В следующем письме автор надеется на скорую встречу с супругой и детьми: «Дорогая Елизавета Сергеевна с каким нетерпением я ждал день прихода дежурного с почтой. Думал получить от Вас письмо. Вы здоровы? У Вас все благополучно? Надеюсь быть в Петербурге 5 июля. До скорого свидания моя дорогая. Искренно преданный и любящий Вас. Н. Типольт» [27, л. 7].

В ответ Елизавета Сергеевна также писала о своей тоске по мужу, о любви и ожидании встречи: «Дорогой мой Колюша ты не поверишь как мне скучно, что от тебя нет писем. Неужели у тебя нет времени мне написать? Я весь день в хлопотах, а хлопот масса, конечно между нами, когда мы приехали в дом, он бы в таком виде, что жить невозможно, я неделю убираюсь без передышки. Дети слава Богу совершенно здоровы. Крепко тебя обнимаю и целую. Господь с тобой. Твоя Люля» [27, л. 8]. В другом письме супруга интересовалась все ли в порядке на службе у Николая Аполлоновича: «Милый мой Колюша! Сейчас получила твою открытку из Москвы, но как ты добрался до Питера? Как устроился с людьми? Меня все очень интересует. Мария Семеновна и дети слава Богу здоровы. Как дела твои? Что делается в корпусе? Будь осторожен в полку. Не теряй самообладание. Господь с тобой мой дорогой Колюшка. Будь здоров, береги себя! Крепко тебя целую! Твоя Люля» [27, л. 30].

Большая часть мемуаристов-мужчин не раскрывала подробностей своей частной жизни, но иногда давали оценку годам, проведенным в семейной жизни. Так например, А.В. Оболенский, с особой нежностью отзывался о годах жизни со своей женой: «За 42 года нашей совместной жизни я так привык к ощущению нашей слитности, настолько не мог себе представить своего существования без нее, равно как и ее жизни без своей, что говорить о ней как об отдельном от меня человеке не могу. Скажу только, что крепкая наша взаимная привязанность была основным фоном моей жизни и помогала, как мне, так и ей, переживать все испытания судьбы» [25, с. 150]. П.А. Башилов не утратил своих нежных чувств к супруге и спустя несколько лет брака. Так, возвращаясь из очередной служебной командировки, он стремился поскорее увидеть жену: «Я горел нетерпением как можно скорее оставить Петербург

и лететь к моей Любе. На другой день в самый полдень был уже там. Из флигеля по двору бежала ко мне на встречу Люба и бросилась на шею со слезами радости» [12, л. 277]. А.А. Брусилов отмечал, что его первый брак принес ему счастье: «В общем могу сказать первый мой брак был безусловно счастливым» [21, с. 34].

Любовь и брак являлись такими же важными жизненными циклами для дворян-мужчин, как для женщин. Не каждый мужчина раскрывал детали своей частной жизни. Во многом на характер повествования такой «сугубо личной темы» влияли личность, характер автора и воспитание, а иногда и профессиональная занятость. Большая часть авторов эмоционально отражали моменты влюбленности, предстоящей женитьбы и года, проведенные в браке, так как эти моменты для них были особенно ценными и счастливыми. Браки дворян-мужчин заключались преимущественно по взаимным чувствам и личным предпочтениям. «Тяжелые моменты», связанные с разводом и разъездом супругов, мужчины старались не фиксировать. Отсутствие в некоторых мужских мемуарах упоминаний своего семейного положения, объясняется тем, что для большинства из них эти личные моменты, в отличие от служебной карьеры не должны были стать достоянием гласности. Однако несмотря на то, рассказывали ли авторы о своих чувствах подробно, лишь упоминали о них или вообще игнорировали, брак и семья составляли важную часть жизни мужчины, ставя перед ним особые обязанности и необходимость учитывать интересы домашних.

Список литературы

1. Кузнецова О.А. Семья в жизни делового человека: традиции, брак и дети (на материале губерний Верхней Волги середины XIX – начала XX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 92. – С. 30–38.
2. Былинская Н.В., Дубина А.М. Представления о любви у мужчин и женщин разных возрастов // Общество: социология, психология, педагогика. – 2013. – № 3. – С. 42–49.
3. Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. Частная жизнь российских чиновников второй половины XIX – начала XX в мемуарной литературе: первая любовь и ухаживание за невестой // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2013. – № 8 (151). – С. 94–99.
4. Казьмина О.Е., Пушкарева Н.Л. Российская система законов о браке в XX в.: инновации и традиционные установки // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 4. – С. 67–89.

5. Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социо-культурных изменений: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1997. 357 с.
6. Веремченко В.В. Эволюция дворянской семьи в условиях модернизации России (Вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2007. 51 с.
7. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. – СПб.: Алетей, 2014. 480 с.
8. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний 1868–1917: в 2-х кн. – Нью-Йорк: Издательство А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. 583 с.
9. Трубецкой В.С. «Записки кирасира». – М.: Россия, 1991. 219 с.
10. Бенуа А.Н. Мои воспоминания (в двух томах). – М.: Захаров, 2005. 912 с.
11. Добужинский М.В. Мои воспоминания. – М.: Наука, 1987. 480 с.
12. Отдел рукописей Российской Национальная библиотека (ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 103.
13. Чижикова А.С. Брачный церемониал российских дворян в XIX в. // Вестник славянских культур. – 2011. – № 4 (22). С. 74–80.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 942. Оп. 1. Д. 553.
15. Милоков П.Н. Из тайников моей памяти. – М.: Эксмо, 2015. 960 с.
16. Садовской Б.А. Записки (1881–1916) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. – М.: Студия ТРИТЭ, 1994. – Т. 1. – С. 106–183.
17. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 104.
18. Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. – Л.: Искусство, 1971. 447 с.
19. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Том VI. С алфавитным указателем ко всем VI томам. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897–1904. – Т. 6. 478 с.
20. Милешина Н.А. Российское дворянство в XVII – начала XX столетий в контексте трансформации внутрисемейных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 30 (211). История. Вып. 42. – С. 5–11.
21. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М.: Государственное издательство, 1929. 249 с.
22. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 18.
23. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. – М.: «Нестор-История», 2008. 870 с.
24. Щербачев Г.Д. Очерки моей деятельности в царствование Александра II: из воспоминаний Г.Д. Щербачева. – М.: Унив. тип., 1891. 108 с.
25. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. – СПб.: Умска-press, 1988. 754 с.
26. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2066. Оп. 1. Д. 1.
27. РГИА. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 24.

Love and marriage of noblemen in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials of personal origin)

Marina S. Tregubova

The article presents changes in the organization of love and marriage of noblemen in the second half of the 19th – early 20th centuries. Men's memories of private life are distinguished by the closeness of some of its aspects. The peculiarity of the narration of love and family moments was influenced both by the person-

ality and character of the author, and sometimes by official activity. In the second half of the 19th century, noblemen undergo changes in consciousness and behavior, both in relation to their feelings and in marriage itself. In addition to their own emotions and preferences, men began to take into account the feelings of women. Men, along with women, emotionally described plots related to falling in love, matchmaking and marriage. The absence of mention of the marital status of men in other sources of personal origin may indicate that, on the one hand, personal life of men was still tabooed, and, on the other hand, did not seem to the author noteworthy, as marriage did not bring serious changes into the life of a man, unlike a woman. But the creation of family brought new anxieties and responsibilities into the life of men, regardless of the place, which love and marriage took in their ego-documents.

Key words: noblemen, male nobles, noble marriage, love, 19th century, everyday life, memoirs.

For citation: Tregubova, M.S. (2022). Lyubov' i brak v zhizni dvoryan-muzhchin vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. (po materialam lichnogo proiskhozhdeniya) [Love and marriage of noblemen in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials of personal origin)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 63–81. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_63

References

1. Kuznetsova O.A. *Sem'ya v zhizni delovogo cheloveka: traditsii, brak i deti (na materiale guberniy Verkhney Volgi srediny XIX – nachala XX veka)* [Family in the Life of a Businessman: Traditions, Marriage and Children (on the Material of the Provinces of the Upper Volga in the Middle of the 19th – Early 20th Centuries)] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen]. 2009. № 92. pp. 30–38. (In Russ.)
2. Bylinskaya N.V., Dubina A.M. *Predstavleniya o lyubvi u muzhchin i zhenshchin raznykh vozrastov* [Ideas about love in men and women of different ages] // *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2013. № 3. pp. 42–49. (In Russ.)
3. Shatokhin I.T., Shatokhina S.B. *Chastnaya zhizn' rossiyskikh chinovnikov vtoroy poloviny XIX – nachala XX v memuarnoy literature: pervaya lyubov' i ukhazhivaniye za nevestoy* [Private life of Russian officials in the second half of the 19th - early 20th century in memoirs: first love and courtship of the bride] // *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific statements of the Belgorod State University. Series: History. Political science]. 2013. № 8 (151). pp. 94–99. (In Russ.)
4. Kaz'mina O.Ye., Pushkareva N.L. *Rossiyskaya sistema zakonov o brake v XX v.: innovatsii i traditsionnyye ustanovki* [The Russian System of Marriage Laws in the 20th Century: Innovations and Traditional Attitudes] // *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review]. 2003. № 4. pp. 67–89. (In Russ.)
5. Pushkareva N.L. *Zhenshchina v russkoy sem'ye X – nachala XIX v.: dinamika sotsio-kul'turnykh izmeneniy* [A woman in a Russian family in the 10th – early 19th centuries: the dynamics of socio-cultural changes]: dis. ... dok. ist. nauk. Moskva, 1997. 357 p. (In Russ.)
6. Veremenko V.V. *Evolutsiya dvoryanskoy sem'i v usloviyakh modernizatsii Rossii (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The evolution of the noble family in the context of the modernization of Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)]: avtoref. dis. ... dok. ist. nauk. Sankt-Peterburg, 2007. 51 p. (In Russ.)
7. Belova A.V. «Chetyre vozrasta zhenshchiny»: *Povsednevnyaya zhizn' russkoy provintsial'noy dvoryanki XVIII – srediny XIX v.* ["The Four Ages of a Woman": Everyday life of a Russian provincial noblewoman in the 18th – mid-19th centuries]. SPb.: Aleteyya, 2014. 480 p. (In Russ.)

8. Naumov A.N. *Iz utselevshikh vospominaniy 1868–1917: v 2-kh kn.* [From the surviving memories of 1868–1917: In 2 books]. N'yu-York: Izdatel'stvo A.K. Naumovoy i O.A. Kusevitskoy, 1954. 583 p. (In Russ.)
9. Trubetskiy V.S. «*Zapiski kirasira*» [“Notes of a Cuirassier”]. M.: Rossiya, 1991. 219 p. (In Russ.)
10. Benua A.N. *Moi vospominaniya (v dvukh tomakh)* [My memories (in two volumes)]. M.: Zakharov, 2005. 912 p. (In Russ.)
11. Dobuzhinskiy M.V. *Moi vospominaniya* [My memories]. M.: Nauka, 1987. 480 p. (In Russ.)
12. *Otdel rukopisey Rossiyskaya Natsional'naya biblioteka (OR RNB)* [Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RNL)]. F. 1000. Op. 2. D. 103.
13. Chizhikova A.S. *Brachnyy tseremonial rossyiskikh dvoryan v XIX v.* [The marriage ceremony of Russian nobles in the 19th century] // *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Herald of Slavic Cultures]. 2011. № 4 (22). pp. 74–80. (In Russ.)
14. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 942. Op. 1. D. 553.
15. Milyukov P.N. *Iz taynikov moyey pamyati* [From the recesses of my memory]. M.: Eksmo, 2015. 960 p. (In Russ.)
16. Sadovskoy B.A. *Zapiski (1881–1916)* [Notes (1881–1916)] // *Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [Russian Archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th – 20th centuries]. M.: Studiya TRITE, 1994. T. 1. pp. 106–183. (In Russ.)
17. OR RNB. F. 1000. Op. 7. D. 104.
18. Zhemchuzhnikov L.M. *Moi vospominaniya iz proshlogo* [My memories from the past]. L.: Iskusstvo, 1971. 447 p. (In Russ.)
19. *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh. Tom VI. S alfavitnym ukazatelem ko vsem VI tomam* [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists. Volume VI. With an alphabetical index to all VI volumes]. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1897–1904. T. 6. 478 p. (In Russ.)
20. Mileschina N.A. *Rossiyskoye dvoryanstvo v XVII – nachala XX stoletiy v kontekste transformatsii vnutrisemeinykh otnosheniy* [Russian nobility in the 17th – early 20th centuries in the context of the transformation of intra-family relations] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2010. № 30 (211). *Istoriya*. Vyp. pp. 5–11. (In Russ.)
21. Brusilov A.A. *Moi vospominaniya* [My memories]. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1929. 249 p. (In Russ.)
22. OR RNB. F. 1000. Op. 9. D. 18.
23. Lopukhin V.B. *Zapiski byvshego direktora departamenta ministerstva inostrannykh del* [Notes of the former director of the department of the Ministry of Foreign Affairs]. M.: «Nestor-Istoriya», 2008. 870 p. (In Russ.)
24. Shcherbachev G.D. *Ocherki moyey deyatelnosti v tsarstvovaniye Aleksandra II: iz vospominaniy G. D. Shcherbacheva* [Essays on my activities in the reign of Alexander II: from the memoirs of G. D. Shcherbachev]. M.: Univ. tip., 1891. 108 p. (In Russ.)
25. Obolenskiy V.A. *Moya zhizn'. Moi sovremenniki* [My life. My contemporaries]. SPb.: Ymca-press, 1988. 754 p. (In Russ.)
26. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (TSGIA SPb)* [Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb)]. F. 2066. Op. 1. D. 1.
27. RGIA. F. 1063. Op. 1. D. 24.

Статья поступила в редакцию 6.07.2022
Одобрена после рецензирования 28.07.2022
Принята к публикации 24.08.2022